

Ночь седьмого дня

Мэйлин Юн

Вопреки опасениям Мэйлин, рука все же понемногу восстанавливалась, хотя до абсолютного восстановления было ещё нескончаемо далеко. Она начала чуть-чуть чувствовать прикосновения, тепло и холод, боль из усиливающейся при каждом движении превратилась в ноющую, и Мэйлин уже почти не обращала на неё внимания.

Был уже почти поздний вечер, когда она сидела на кровати со включенным ночником, чтобы не сильно палиться с верхним светом, потому что это было нарушением режима, за который довольно строго спрашивали, и, пристроив на колене за неимением письменного стола свой рабочий блокнот в клетку, раз за разом, высунув от усердия кончик языка, пыталась написать своё имя шариковой ручкой. Кисть практически не слушалась. Ручка постоянно падала, потому что Мэйлин не могла взять её тремя все ещё не работающими пальцами, а новое изобретённое ею положение, когда ручка зажималась у основания большого пальца между ним и указательным и придерживалась мизинцем и безымянным, было крайне ненадёжным. Не получалось приложить достаточно силы, чтобы можно было что-то написать, и ручка скорее просто черкала, чем что-то писала. К тому же такое положение ладони было весьма болезненным, и сохранять его долго Мэйлин не могла.

Она ещё раз начертила четыре горизонтальные линии, составляющие большую часть первого иероглифа её имени. До этого момента Мэйлин не считала своё имя слишком сложным. Но до этого момента у неё было все в порядке с руками. А тут иероглифы получались по-детски неровными, смешными и даже уродливыми, и очень большими, как будто она только-только училась писать. Мэйлин дописала первый слог имени, издали посмотрела на творение руки своей, поправила ручку в вялых пальцах и постаралась как можно более аккуратно написать второй слог рядом с первым, чтобы получить полноценное имя. Получилось не очень хорошо, и это невероятно раздражало. И, только обладая очень изощрённой фантазией, можно было понять, что тут пыталась она изобразить. Внизу только ещё оставалось все тем же детским почерком подписать "Юн Мэйлин, 29 лет" и нести на сестринский пост с подарком в виде прекрасной и самостоятельно нарисованной картины. А тут ещё и ручка вывалилась из пальцев и покатилась на пол под кровать. Мэйлин вздохнула и полезла следом.

Дин Вэньхуа

В начале вечера Вэньхуа был почти все время занят в приемном отделении, потому что поступил пациент с подозрением на травму позвоночника, и пришлось проводить подробное обследование, чтобы определить характер повреждений и назначить лечение. Спинальный мозг не был поврежден, но в одном из позвонков была трещина, потому этого пациента нужно было госпитализировать. Ему предстояло долгое время провести в лежачем положении, а затем в корсете, чтобы позвонок сросся сам, и не требовался остеосинтез.

Вэньхуа освободился около десяти вечера. Он надеялся, что Мэйлин в это время еще не спит, и решил зайти к ней, пока было время. Через пару дней можно было снимать швы. Кисть постепенно восстанавливалась, но пока возвращалась только чувствительность. На днях могли проявиться первые признаки, по которым можно было судить о восстановлении двигательных волокон, но пока Мэйлин приспособилась пользоваться левой рукой и двумя более-менее работавшими пальцами на правой.

Вэньхуа не стал стучать в дверь, потому что не был уверен, что девушка не спит. Он заглянул в палату, увидел, что Мэйлин весьма живописно забралась под кровать и усмехнулся.

- Юн дайфу, - окликнул он девушку, затем зашел и закрыл за собой дверь. - Вылезай, ты что там делаешь?

Мэйлин была неугомонной. В это время всем пациентам в отделении уже следовало ложиться спать. Некоторые, кому это не было противопоказано, тихо читали перед сном, пока медсестры не начали ходить и проверять, все ли выключили свет. И только одна пациентка в отделении на ночь глядя лазала под кроватью.

Мэйлин Юн

Ручка, как назло, укатилась почти к самой стене. В том положении, в каком Мэйлин залезла под кровать, достать ещё было практически невозможно, потому что ручка оказалась со стороны правой нерабочей руки. Нужно было развернуться левым боком, но Мэйлин не могла развернуться левым боком, потому что зацепилась воротником пижамы за рычаг, меняющий высоту подъёма головного конца кровати, и застряла. Она замерла на месте, пытаясь осознать, как ей освободиться и выбраться наружу, чтобы наконец достать эту ручку. У Мэйлин, конечно, была еще, да и не одна, но не хотелось разбрасывать свои вещи. Она повернулась немного боком, стараясь отцепить воротник, потянула, чувствуя, как натягивается ткань, потом остановилась и постаралась дотянуться рукой до воротника, чтобы остановиться. Закинув руку за голову, Мэйлин нащупала рычаг кровати и стянула с него воротник, после чего услышала голос Дина дайфу и от неожиданности ударилась головой об дно кровати. Да кто же так пугает-то!

- Я не могу вылезти, - ответила Мэйлин, потирая ушибленную голову и тем не менее вылезая из-под кровати.- Я уронила ручку и она у меня укатилась.

Сообщив эту весть, Мэйлин развернулась уже правым боком и снова залезла под кровать, откуда вернулась уже с ручкой в здоровой ладони. Она поднялась и отряхнулась от предполагаемой пыли, после чего уселась уже на кровать, как и было бы правильно в это время суток. Вэньхуа говорил ей, что дежурит сегодня, но не уточнял, сможет ли зайти. Это от него не зависело, потому что могли поступить пациенты, которым срочно могла понадобиться консультация нейрохирурга, и Мэйлин не рассчитывала, что он сумеет освободиться.

- Я почти могу написать своё имя, - похвасталась она, но пряча каракули за спину, потому что художественная их ценность была весьма сомнительной.

Дин Вэньхуа

Несмотря на то, что Мэйлин сказала, что вылезти не может, она отлично вылезла, залезла под кровать снова, достала ручку и только потом села на кровать. Но сначала она умудрилась еще и удариться головой. Она снова была в той огромной пижаме, в которой ей было неудобно.

- Давай сначала руку вылечим, а потом уже будешь головой биться? - предложил Вэньхуа.

Он подошел к девушке, провел рукой по её волосам в том месте, где она только что ударилась о кровать, затем проследил взглядом за тем, как она прячет за спину свои записи. Вэньхуа с трудом представлял себе, как она может сейчас что-то писать, когда большая часть кисти её не слушалась.

- Ты молодец, покажешь, как ты пишешь? - спросил Вэньхуа.

Он хотел посмотреть, как Мэйлин умудряется удерживать ручку, а заодно убедиться, что она при этом не рискует травмировать руку снова. После того, как он увидел, как девушка доставала ручку из-под кровати, он бы ничему не удивился. При этом вряд ли ручка у нее была одна, а утром всё равно придет санитарка, которая будет мыть пол, и поднимет. Но Мэйлин не хотела спокойно отдыхать на больничном, пользуясь тем, что вокруг много тех, чья работа заключается в том, чтобы о ней заботиться. И Вэньхуа ее понимал. И не раз в своей практике замечал, что именно такие быстрее и полноценнее восстанавливаются даже при тяжелых состояниях. Но ему было бы спокойнее, если бы Мэйлин героизмовала чуть меньше.

Мэйлин Юн

Мэйлин застенчиво улыбнулась в ответ на предложение не биться головой о кровати. Можно подумать, она сделала это специально. Если бы он не напугал её, подкравшись сзади, она бы и не пострадала в этой битве с кроватью, пижамой, ручкой и головой. По большому счёту, действительно не нужно было лезть под кровать за ручкой, но раз уж полезла, не вылезать же без нее, иначе совсем был бы бессмысленный поступок. Мэйлин потеревшая здоровой рукой пальцы правой, которые с тех пор были в полусогнутом положении - ей уже начинало казаться, что они никогда не выпрямятся и не начнут сгибаться нормально, но все равно несколько раз в день разминала пальцы, как и велел Дин дайфу, чтобы не было контрактур суставов.

- Ну...- неуверенно протянула Мэйлин. - Оно не очень красиво выглядит, потому что мне неудобно писать. Не то, чтобы я раньше очень красиво писала, но сейчас вообще ужасно, - доверительно призналась она. - Ты точно хочешь посмотреть?

Мэйлин пока не планировала никому показывать свое творчество, потому что даже ребёнок писал лучше неё. К тому же она не была уверена в том, что Вэньхуа одобрит тот способ, которым она держала ручку, а ей не хотелось, чтобы он думал о ней как о недобросовестном пациенте. С другой стороны, он уже видел, как она лезла под кровать с надеждой достать укатившуюся туда ручку, вряд ли теперь у него сложилось мнение, что она прилежно выполняет все предписания врача. Хотя

как раз к этому Мэйлин относилась серьезно, не спорила и носила бандаж, терпела все перевязки, сеансы рефлексотерапии и физиотерапии и вела себя умницей. Просто он не говорил, что нельзя учиться заново писать и лазать под кроватями, а если не запрещено, значит разрешено. А она готова была на стены лезть от скуки, даже с учётом всех этих процедур. К тому же шов чесался и зудел, и делать хоть что-то правой рукой было приятно. Особенно когда это что-то получалось.

Дин Вэньхуа

- Точно хочу посмотреть, - Вэньхуа кивнул. - На то, как ты пишешь. а не на то, что ты написала, - уточнил он.

Мэйлин ему очень нравилась. У него была масса причин, чтобы ей помогать, и чтобы провести вечер дежурства в её палате до тех пор, пока у него будет такая возможность, но плюс ко всему этому он был её лечащим врачом. То есть отвечал за её состояние и за то, как шла её реабилитация. Дело шло к выписке, скоро нужно было снимать швы, а в руке по-прежнему восстановилась лишь чувствительность, и та не полностью. А в то время, когда Мэйлин будет выходить в клинику уже как ординатор отделения кардиохирургии, у неё будет меньше времени на упражнения и физиопроцедуры.

Ши дайфу почти каждый день спрашивал Вэньхуа о том, как идет реабилитация. Давал кое-какие советы, но в основном просто интересовался. А накануне приходил тот самый дебошир, хотел поговорить с Вэньхуа. Его срок зависел от тяжести травмы, и он пытался объяснить, сколько он готов заплатить, чтобы травму классифицировали как легкий вред здоровью. Вэньхуа предложил просителю прикинуть, сколько стоят жизни тех, кого не может прооперировать кардиохирург из-за серьезной травмы правой кисти, а после этого вызвал охрану. Он считал, что скорее Мэйлин простит своего обидчика, чем он сам начнет слушать подобные просьбы.

Мэйлин Юн

То, с какой настойчивостью Вэньхуа хотел посмотреть на процесс написания ее имени, немного настораживало. Мэйлин еще больше убедилась в том, что показывать ему это точно не надо, но деваться было некуда. Нет, конечно можно было упереться и категорически отказаться, но Мэйлин это казалось ребячеством чистой воды. Она пожала плечами, как бы говоря "ну как хочешь, но я предупреждала", поудобнее уселась на кровати в гнезде из одеяла и вытащила из-за спины спрятанный туда минутой ранее блокнот и тщательно пристроила его на своей коленке. Положение блокнота было не самым устойчивым, но лучшим из того, что перебрала Мэйлин, пока пыталась найти идеальное равновесие тетради, используя в качестве опоры свою ногу.

- Ты не сядешь? Я долго буду, тут сложно все, - сказала Мэйлин. Ей почему-то было не очень уютно, что Дин дайфу стоит над ней. Он и так-то был высоким, что Мэйлин до него не доставала даже поднявшись на носочки, а сидя она вообще ощущала себя какой-то крохой. И еще эта дурацкая большая пижама со сползающими на руки рукавами. Она наконец уложила, как надо, блокнот, затем принялась устраивать в правой руке ручку по наработанной методике - сначала середину в межпальцевый промежуток первого и второго пальцев, а потом пишущую сторону ручки - между

безымянным и мизинцем. - Ты только не смейся, - серьезно предупредила она, немного насупившись от сложности выполняемой ею работы. А ей на полном серьезе твердили, что это операции на работающем сердце сложно делать. Попробовали бы они при повреждении срединного нерва ручку в ладонь пристроить так, чтобы она никуда не делась.

Мэйлин зажала ручку двумя работающими пальцами, насколько могла, и принялась старательно выводить на бумаге свое имя. Было не очень удобно и немного больно, в основном из-за того, что приходилось напрягать четвертый и пятый пальцы, а сухожилия еще не до конца восстановились.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа придвинул стул ближе к кровати Мэйлин и сел, чтобы видеть, как она будет писать. Она зажала ручку так, как позволяла неработающая кисть, но ему казалось, что левая рука справилась бы лучше, чем два с половиной пальца правой. Мэйлин с трудом, но старательно выводила черты, из которых складывалось её имя. Он коснулся рукой её правой руки, затем вложил ручку в её пальцы так, как полагалось её держать, хоть второй и третий пальцы пока не слушались ЦНС. Вэньхуа обхватил правую кисть Мэйлин пальцами своей правой руки, удерживая ручку, и помог девушке написать два иероглифа, составлявших её имя, но уже после того, как увидел, как именно она сама научилась писать правой рукой.

- Попробуй пошевелить указательным или средним пальцем, - сказал Вэньхуа и отпустил руку Мэйлин.

Ему не было дела до того, насколько неровными получились иероглифы, написанные на бумаге. Врачам плохой почерк простителен, они спешат, им не до того, и какое вообще пациентам дело до того, что написано в документах. Но ему показалось, то мышцы второго и третьего пальцев были чуть напряжены, и они могли сейчас среагировать на сигнал от головного мозга, хотя бы немного, чтобы вспомнить, как им следовало работать.

С Мэйлин постоянно занимались рефлексотерапевт и физиотерапевт. Вэньхуа поднял все материалы, какие смог найти, о травмах кисти и методах реабилитации, и старался применять все, которые казались достаточно обоснованными. За эти несколько дней он узнал о периферических нервах кисти больше, чем за все годы учебы и практики до этого.

Мэйлин Юн

Ей казалось уже практически что героическим подвигом то, что она смогла написать хотя бы пару линий, не уронив ручку и не разу ее не поправляя. Но Дин дайфу счел, что положение ручки нужно исправить, хотя не мог не знать о том, что Мэйлин все равно не удастся ее удержать. А потом он сделал так, что девушка вообще забыла, что она может писать. И о том, что именно она хотела написать. И вообще зачем она это делает. Ей этот жест, когда Вэньхуа накрыл ее ладонь своей рукой, показался очень...интимным, даже намного более близким, чем поцелуй и объятия. Его рука была теплой и нежной, но очень твердой, и Мэйлин не сразу поняла, что все эти ощущения испытала именно правой, нерабочей рукой, чувствительность которой была нарушена и восстанавливалась слишком медленно, чтобы этот

процесс мог хоть немного радовать. Дин Вэньхуа помог написать ей ее имя и получилось намного ровнее и красивее, чем если бы писала она, но Мэйлин, пытаясь унять дико бьющееся сердце, не восприняла это как маленькую победу над собой. И нужно было вспомнить, как дышать, чтобы попробовать пошевелить пальцами.

Раньше держать ручку в руке удавалось только целенаправленно на этом действии концентрируясь. Стоило Вэньхуа сейчас отпустить ее ладонь с правильным хватом, как ручка тут же выпала, но девушка не стала ее поднимать, благо что упала она на одеяло, а не на пол. Она внимательно уставилась на свою руку и затихла, пытаясь пошевелить вторым или третьим пальцем, но лишь однажды ей на мгновение показалось, что указательный палец шевельнулся - скорее дернулся, но ей вполне могло это привидеться от слишком рьяного самовнушения.

- Не получается, - расстроено сказала она, переводя взгляд со своих непослушных и упрямых пальцев на Дина Вэньхуа. - Но я очень хорошо чувствовала, что ты держал меня за руку, - застенчиво добавила Мэйлин.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа внимательно смотрел за пальцами Мэйлин. Второй палец чуть дернулся, несмотря на то, что сама девушка этого не заметила. Это было почти невероятно, но Вэньхуа привык верить своим глазам. И девушка хорошо чувствовала прикосновение. Учитывая, сколько времени прошло после операции, реабилитация шла в очень хорошем темпе. Быстрее, чем можно было бы рассчитывать. Всегда важнее всего раннее начало: появилась чувствительность - восстановится, проявились минимальные движения - вернутся и они, и так далее. Кисть восстановится, с полной уверенностью он понял это именно сейчас, даже если сама Мэйлин ничего не заметила.

- Получается, - возразил Вэньхуа, по-прежнему внимательно глядя на руку Мэйлин. - Давай снова, второй палец подвинулся, - он положил руку Мэйлин между своих ладоней, будто пытался согреть нечувствительные нервы. - Ты можешь, я видел, - упрямо сказал Вэньхуа.

Он чувствовал, что Мэйлин смутилась от его прикосновения, но сейчас было не до того. Вэньхуа считал, что ей важнее воплотить в жизнь её мечты, стать хирургом, которого знают и уважают, который будет способен пересадить сердце, чтобы оно работало. И от того, как сейчас пойдет реабилитация, для Мэйлин зависело все. Какая разница, нравится ли ей, или смущает ли её, когда он помогает ей управиться с непослушными пальцами. Она была не из тех женщин, кто пришел в клинику в поисках мужа, и потому Вэньхуа считал своей задачей, в первую очередь, помочь этой девушке стать тем, кем она мечтала быть.

Мэйлин Юн

Мэйлин была почти уверена в том, что движение второго пальца ей померещилось, уж очень сильно хотелось в это верить, но Дин дайфу, у которого был наметан глаз на такие практически незаметные тонкости, возразил, что она не права, у нее получилось заставить его двигаться. Но даже если и так, она не понимала, как она это сделала, как умудрилась заставить шевелиться. Она ощущала прикосновения,

тепло и холод, но совершенно не чувствовала того, как ее пальцы перемещались относительно друг друга, словно это не она ими управляла. Эти ощущения было сложно описать словами, особенно на фоне боли в сухожилиях и заживающих мышцах кисти, которая, казалось бы, перекрывала все прочие ощущения, когда Мэйлин двигала пальцами. А Дин дайфу требовал, чтобы она попробовала еще, закрепить достигнутый эффект.

Мэйли облизнула пересохшие губы, стараясь не отвлекаться на руки Вэньхуа, удерживающие ее ладонь в своих. Было очень сложно сосредоточиться на задании, когда вот они, его руки, и Мэйлин внезапно почувствовала себя очень несчастной, что даже чуть было не выдернула свою ладонь из рук мужчины. Она снова уставилась на свои некрасиво согнутые пальцы, не то пытаясь их выпрямить, чтобы было красиво, не то наоборот - еще больше согнуть, ну или сделать уже хоть что-нибудь, чтобы самолично убедиться в том, что ни ей, ни ему не показалось, и она может действительно их заставить работать.

Она нахмурилась, когда поняла, что первая попытка могла быть лишь чистой случайностью, и что сейчас она пока не может повторить свой успех, затем закусил губу от напряжения и приложила все собранные воедино усилия к тому, чтобы эти непослушные слабые пальцы наконец пошевелились. Но на этот раз шевельнулся не второй, а третий палец, а Мэйлин почувствовала себя так, словно пыталась сдвинуть огромную гору. Но уже нельзя было говорить, что ей показалось - это было вполне отчетливое, пусть и немного дерганное и конвульсивное движение.

Дин Вэньхуа

Поначалу ничего не происходило, но Вэньхуа знал, что его глаза его не обманули. И через некоторое время третий палец Мэйлин сдвинулся. Немного, но достаточно, чтобы и она сама это заметила. Он обнял девушку за плечи и коснулся губами её виска.

- Теперь видишь сама? - спросил Вэньхуа, радостно улыбаясь. - Ты молодец, у тебя получилось.

Это было очень важно. Возможно, Мэйлин этого не понимала, она все же не специализировалась в неврологии, но именно раннее восстановление функций было необходимо для того, чтобы рассчитывать на полную реабилитацию. И движения проявились даже раньше, чем были сняты швы. Это было настоящей победой, понятной любому нейрохирургу, но тщательно скрываемой от большинства пациентов.

- Теперь я уверен, что твоя рука восстановится полностью достаточно быстро, - честно сказал Вэньхуа. - Я очень рад за тебя, - он снова улыбнулся. - Начали восстанавливаться эфферентные пути. Реабилитация теперь пойдет намного быстрее.

Он смотрел на руку Мэйлин, пока еще все еще искаженную нарушениями нервной проводимости, но Вэньхуа видел, что это уже ненадолго. Постепенно вернется возможность обходиться самостоятельно в бытовых мелочах, а затем и более важные функции. Мэйлин придется вспоминать, как проводятся хирургические

манипуляции, и как накладываются швы, но это недолго, она не так много времени проведет на больничном, чтобы это все забыть.

Мэйлин Юн

Мэйлин были приятны прикосновения Дина дайфу, но она придавала им не так много значения, как могла бы некоторое время назад, потому что чувствовала себя уставшей даже от такого простого действия, как постараться пошевелить собственными пальцами. Она убедилась в том, что действительно ей это под силу, но почему не чувствовала радости.

Стало только страшнее - а если это все, на что она способна? Если это все, что она сможет добиться от своих пальцев? Получить сейчас надежду на то, что все может восстановиться, а потом в итоге понять, что это было бессмысленной верой в лучшее. Верой практически что в миф, потому что нет стопроцентной гарантии, что это - не максимум ее возможностей. И никто ей не сможет ответить однозначно и уверенно, что в итоге будет - будут ли ее пальцы ее слушаться, как раньше, оставив в напоминание о травме только две тонкие нитки шрамов, или ладонь так и будет напоминать уродливую обезьянью лапку, худенькую и маленькую и словно неживую. И он тоже не может быть уверен, даже если и говорит обратное. Мэйлин почувствовала, как по спине пробежали мурашки озноба, и заученным жестом натянула длинные рукава пижамы на ладони, хотя и пришлось постараться, чтобы в показавшейся ей достаточной степени прикрыть правую.

- Прости, - произнесла Мэйлин, вытирая натянутым на запястье рукавом пижамы выступившие на глазах предательские слезы. Она столько не редела за всю свою жизнь, сколько за эту неделю. Каждый раз, когда что-то не получалось. Каждый раз, когда было больно. Когда она начинала, как сейчас, сомневаться в том, что все будет хорошо. Когда горло сдавливали болезненными спазмами и начинало щипать глаза. И ничего не могла с собой поделать, потому что слезы абсолютно ей не подчинялись, как и правая рука. Один раз она расплакалась даже перед автоматом с кофе, потому что увидела, как в стеклянной витрине отражается ее изуродованная ладонь. - Просто я так боюсь, что ничего не получится, что расклеиваюсь при каждом удобном и не очень случае.

Дин Вэньхуа

Мэйлин боялась. Просто сейчас более явно, чем обычно, показала перед ним свои эмоции. Вэньхуа понимал, почему она так думает, хоть и не мог в полной мере поставить себя на её место. Он мог лишь в теории представить, как страшно не знать, сможешь ли ты вернуться к той работе, которой посвятил значительную часть своей сознательной жизни.

- Не бойся, - уверенно сказал Вэньхуа. - У тебя все получится. Ты упрямая, и ты справишься. ты восстанавливаешься даже быстрее, чем я рассчитывал.

Ему много раз приходилось видеть слезы пациентов. Они - естественная реакция на стресс, страх, боль, безрадостные прогнозы и ощущение собственного бессилия. Со временем учишься считать их симптомом. Но в случае с Мэйлин Вэньхуа все равно воспринимал её слезы близко к сердцу. Он не хотел, чтобы она боялась и сомневалась в себе.

- Мы, вроде, договорились, что ты мне доверяешь? - спросил Вэньхуа.

Она заметила. Не могла не заметить, как двигаются её пальцы. Пока эти движения были похожи на произвольные, но это не важно. Путь в тысячу ли всегда начинается с первого шага, а он был сделан.

Мэйлин Юн

Она прижалась щекой к плечу Вэньхуа, переживая еще одну порцию судорожных слез отчаяния, боли и обиды, когда начинает казаться, что все плохо и уже ничего не изменишь. И сейчас как никогда раньше хотелось почувствовать поддержку, потому что это - еще одна вещь, с которой она не может справиться самостоятельно. Это усталость, нервы и волнение, боль, страх и неуверенность в себе и своих силах. Сейчас должно пройти, и бесполезно уговаривать себя успокоиться, оно закончится само, когда слезы иссякнут. Это не займет много времени, но на всякий случай еще раз глубоко вдохнуть, полностью выдохнуть и подумать о хорошем. Постараться подумать о том, что пальцы все-таки двигаются. Это - маленькая победа над собой и своей травмой. Она действительно упрямая. Упрямая и непослушная, иначе, выполняя она все указания точно в таком же в котором они были ей выданы, смогла бы она сегодня на те пусть даже и незначительные движения?

- Я тебе доверяю, - Мэйлин чуть было не сорвалась на крик, чего за ней вообще никогда не замечалось, но сумела сдержаться. - Я доверяю тебе настолько, что мне становится даже страшно, потому что я никому никогда раньше так не доверяла, как доверяю тебе. Ты же знаешь это....- не то растерянно, не то вопросительно закончила она, глядя на Вэньхуа.

Только дело было не в доверии. Дело было в уверенности в завтрашнем дне, и этой уверенности она не ощущала. Когда каждый день приходится бояться за то, что тебя уволят, если рука не восстановится окончательно. Она понимала, как ясный день, что никто не будет ее держать в клинике за красивые глаза. Она пришла на ставку хирурга, но ни одна клиника не будет держать ставку хирурга за человеком, который не может оперировать. Незаменимых людей не бывает, и на ее место всегда найдутся желающие и достойные это место занять. Если все, на что она способна - это пара конвульсивных движений пальцами, то ее карьеру можно считать оконченной.

Дин Вэньхуа

- Знаю, - ответил Вэньхуа. - Я не хочу, чтобы ты сомневалась.

Он взял правую руку Мэйлин двумя руками и стал массировать и разминать её непослушные пальцы. Цвет кожи, кровообращение и состояние ногтей были нормальными, сохранялся кожный рисунок на ладони и пальцах.

- Неделю назад ты не чувствовала прикосновений, сегодня уже возникли первые произвольные движения. Да, нужно время, за один день такие травмы не проходят. Но ты восстановишься, - сказал Вэньхуа. - И будешь снова оперировать.

Он бы не говорил об этом, если бы не был в этом уверен. Вэньхуа считал, что

пациентам нельзя давать обещаний и тем более нельзя врать об их состоянии. Если бы он видел, что рука Мэйлин может не восстановиться полностью, он бы её об этом предупредил, чтобы она была готова. Потому что кардиохирургия для неё была целью в жизни, и было бы очень жестоко подарить ей надежду, а затем её этой надежды лишить.

- Пару лет назад у Ши дайфу был пациент, который был пианистом. Он делал ремонт дома и циркулярной пилой отрезал себе первый и второй пальцы на левой руке. Его сразу привезли в клинику, сразу сделали операцию, и через год он уже выступал на каком-то конкурсе, - рассказал Вэньхуа. - Не выиграл, но, говорят, он и до травмы ничего не выигрывал. А вот пальцы удалось восстановить полностью.

Мэйлин Юн

В кардиохирургии было все просто. У Мэйлин никогда не возникало сомнений, что проведенные манипуляции не помогут, будь то шунтирование или даже простая операция на варикозных венах. Сердечно-сосудистая система отличалась большой сопротивляемостью, и это можно было грамотно обыгрывать в процессе восстановления пациента. А в случае с нервной нельзя было давать никаких гарантий. Мэйлин только в теории знала, как происходит восстановление и сколько времени это может потратить, но гораздо чаще встречалась с теми проявлениями, которые говорили о не восстановлении функций. Ей сложно было представить, что конкретно ее случай станет успешным, когда на каждом шагу видишь обратные примеры. Она в папино полное восстановление верила больше, чем в своё собственное.

Она выслушала Дина дайфу и историю про пианиста с циркулярной пилой. Год! У неё нет столько времени! Каждый день в клинику поступают люди, которым требуется помощь, а она не может им помочь, потому что ещё только заново учится писать, да и то, таким способом, от которого волосы встают дыбом. И она не пианистка, она хирург, мало того, чтобы пальцы восстановились, она не имеет права проигрывать. Операционная - это конкурс между жизнью и смертью, и проигрыш означает не просто последнее место. Проигрыш означает смерть человека, который должен был жить. И каждый хирург всегда должен быть настроен только на победу, от его навыков и лишь только малой части удачливости зависит, будет ли человек, доверивший ему свою жизнь, жить дальше.

- Ой, больно, - непроизвольно дернув ладонью в руках Вэньхуа, ойкнула Мэйлин, когда он как-то особенно ощутимо нажал на основание третьего пальца. Она отвлеклась от неприятных мыслей, потому что захотелось отдернуть пальцы к себе и спрятать руку обратно под рукав пижамы. - Раньше мне не было больно.

Дин Вэньхуа

Когда Мэйлин дернула рукой, Вэньхуа почувствовал, как непроизвольно напряглись мышцы пальцев, хотя движения практически не было. При этом он не сильно надавил на кисть во время массажа, и в норме Мэйлин не должна была почувствовать боль, еще и такую. чтобы одергивать руку.

- Это гипералгезия, - объяснил Вэньхуа. - Она возникает из-за особенностей того, как восстанавливаются поврежденные периферические нервы. Боль может

появиться по всей этой области, - он провел кончиками пальцев по руке Мэйлин, обозначая те зоны, куда шли травмированные ответвления срединного нерва. - Она пройдет со временем, когда нервы восстановятся полностью, но сейчас будет тебе мешать.

Гипералгезия создавала сложности при реабилитации, потому что многие методы физиотерапии вызывали при ней сильную боль. Было намного сложнее делать упражнения, массаж и применять ряд других методов. Вэньхуа отпустил руку Мэйлин.

- Я поговорю завтра с физиотерапевтом, - сказал он. - Первое время будем обходиться обезболивающими и постараемся не снижать интенсивность физиотерапии.

Мэйлин Юн

Боль неохотно проходила, снова превращаясь в постоянную ноющую, которую снова удавалось не замечать. Мэйлин пошевелила четвертым и пятым пальцами - единственными, которые шевелились без особых на то усилий, привыкая к новым ощущениям, и все-таки спрятала руку под рукав, чтобы она не обращала на себя внимание. Она стеснялась своего дефекта, ей казалось, что, стоит только выйти в коридор, как все начинают неотрывно за ней следить, пытаюсь рассмотреть подробности того, что творится с ее ладонью. А теперь еще и эта боль, которая будет мешать. Как будто и без того у нее мало проблем, нужно было добавиться еще и этой.

- Син цзынли уже составил график дежурств для благотворительного фонда? - полюбопытствовала Мэйлин. Она жила тут целую неделю как в изоляции, только пару раз к ней зашел Фэн дайфу, поинтересовался динамикой, пожелал скорейшего выздоровления, велел, чтобы она больше времени уделяла себе, а не шарилась по клинике и пыталась лезть в дела пациентов, переданных другим врачам, и ушел, сославшись на неотложные дела. Мэйлин знала, что Фэн дайфу на самом деле не такой строгий, как хочет казаться, но и она, и остальные ординаторы, охотно поддерживали этот его образ сурового заведующего, потому что очень уважали пожилого хирурга.

Мэйлин активно поддерживала идею Вэньхуа о бесплатной экстренной помощи и одна из первых вызвалась добровольцем на дополнительные дежурства. А все самое интересное в итоге происходило без нее, и это было очень обидно, потому что она хотела как можно скорее приступить к работе и оказанию необходимо помощи. Только много она наоказывает с такой-то рукой. Там нужны хирурги, а не недоразумения, даже скальпель не могущие удержать в руке.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа заметил, как Мэйлин сразу спрятала руку в рукав пижамы. Она стеснялась своей травмы при том, что находилась в отделении, где большинство были с тяжелыми неврологическими травмами и нарушениями, и вид многих из пациентов в коридоре наводил на мысли о грядущем зомби-апокалипсисе. Хуже было только в травматологии.

- Да, со следующего понедельника фонд начинает работать, - ответил Вэньхуа. - Я буду дежурить в понедельник и субботу.

А в среду было его дежурство в отделении. Людей пока не хватало, при этом на первое время Син цзынли ставил по два человека на смену для работы со скорой помимо обычных дежурных, которые так и так оставались в клинике. Он считал, что со временем дежурный мог оставаться один, если будет налажена работа, но Вэньхуа в этом сомневался. Он скорее считал, что, когда работа будет налажена, в фонде можно будет увеличить количество коек, но пока об этом благоразумно молчал.

Сейчас для работы фонда очень не хватало Мэйлин, потому что трое из тех, кто вызвался работать, находились в отпусках, еще один оказался дома на больничном на пару недель, и в итоге у тех, кто оставался, получалось по трое рабочих суток в неделю. Вэньхуа убеждал себя, что эти трудности временные, и что ему хватит сил, потому что во время учебы было намного тяжелее, но он понимал, что никто не сможет долго работать с такими нагрузками.

- Я очень рассчитываю на твою помощь, когда твоя рука заживет, - сказал Вэньхуа.

Мэйлин Юн

Мэйлин печально поникла, даже через рукав пижамы мысленно видя свои согнутые пальчики, некрасивые и даже жалкие. Когда у человека что-то болит, он 80% времени думает об этой части тела. У Мэйлин даже когда рука вроде бы не болела, она о ней все равно продолжала думать. Она все-таки не хотела мириться с тем, что с ней случилось, поэтому старалась научиться писать хоть как-то, как могла, старалась обходиться без посторонней помощи каждый раз, когда предоставлялась такая возможность и раз за разом разминала непослушные пальцы, не обращая внимания на возникающую боль в сухожилиях.

- Я бы очень хотела начать помогать прямо сейчас, - тихо сказала она, поднимая взгляд на Дина Вэньхуа. Она понимала, что это сейчас невозможно - никто не пустит ее сейчас с такой рукой оказывать помощь, когда она требуется самой Мэйлин. Но было невыносимо сидеть без дела, и невыносимо понимать, что от неё сейчас нет никакой ощутимой пользы. Она занимала место в отделении, которое можно было отдать кому-то, кто нуждался в этом больше. Она больше поможет, если быстрее восстановится и приступит к работе. Но Мэйлин не верила, что её сразу внесут в график дежурств или операций, перед этим ей придётся заново научиться владеть своей рукой. И снова будет первая самостоятельная операция, словно она вернулась на несколько месяцев назад, когда ещё только начинала работать в клинике.

- Поможешь мне ещё что-нибудь написать? - спросила она, протягивая ему ручку. Он, конечно, может сказать, что ему некогда или ей пока больше не стоит нагружать руку. - Если у тебя есть время.

Дин Вэньхуа

- У меня есть время, - ответил Вэньхуа.

Он подвинул стул так, чтобы можно было удобнее сесть возле Мэйлин, вложил ручку в её пальцы, положил блокнот так, чтобы ей было удобнее и обхватил её кисть своей рукой. Он помнил про гипералгезию и старался все делать очень осторожно, чтобы как можно меньше тревожить слишком чувствительные восстанавливавшиеся нервы.

- Скажи, если будет сильно болеть. Ты знаешь считалочку про лягушек? - спросил Вэньхуа.

Это детское стихотворение практически все учили в школе, а иногда и до неё, участь быстро считать в уме. Оно было бесконечным и простым, и Вэньхуа решил, что оно подойдет для того, чтобы Мэйлин разрабатывала руку, снова участь писать.

- Диктуй вслух. У одной лягушки..., - начал он, выводя рукой девушки первые два простых иероглифа, в одном из которых была одна черта, а во втором - три.

Он вел рукой очень медленно, стараясь, чтобы Мэйлин писала сама, а он лишь поддерживал её пальцы, чтобы не выпадала ручка. Сегодня ей будет сложно написать даже одну строфу считалочки, но через неделю-другую она наверняка сможет писать сама.

Мэйлин Юн

Мэйлин кивнула - она, конечно же, знала о лягушках и детской считалочке про количество ртов, глаз и лап. В школе её учили считать, и заставляли учить чуть ли не до бесконечности. Мэйлин поняла, что Вэньхуа будет учить её заново писать с самых азов, и её это устраивало, потому что вряд ли она сможет написать что-то сложное. Рука немного болела, но не сильно, когда Дин Вэньхуа правильно вложил ручку в пальцы и обхватил своей ладонью её руку.

Мэйлин практически не ощущала, что держит ручку сама, пальцы не слушались и ручка норовила из них выпасть, если бы её не фиксировал Вэньхуа.

-...один рот, два глаза, четыре лапы... - медленно начала диктовать Мэйлин, стараясь не торопиться вперёд своей руки, которая крайне неохотно подчинялась движениям и писала очень медленно и очень неровно. Она почувствовала себя первоклассницей, впервые в жизни учащейся писать свои первые иероглифы, которые получались смешными и неровными, выведенные нетвердой рукой. Мэйлин постоянно казалось, что скользкая ручка выскальзывает из пальцев.

Мэйлин было уютно, когда Вэньхуа вот так держал её за руку. И он был так близко, что она даже чувствовала тепло, исходящее от его тела. Постоянно мерзнущей Мэйлин нравилось греться рядом с Вэньхуа, хоть она и стеснялась прижаться к нему ещё теснее. И никак не удавалось сосредоточиться на лягушках и том, сколько у них лап, глаз и прочих частей тела. Она немного повернула голову в сторону Вэньхуа и, невероятно краснея, едва коснулась губами его щеки.

Дин Вэньхуа

Вэньхуа следил за тем, как Мэйлин медленно и старательно выводит иероглифы непослушной рукой. Как старается удержать ручку почти неподвижными пальцами.

Теми, которые неделю назад до злополучного дежурства умели накладывать искусные швы на жизненно важные сосуды. И которые снова этому научатся, только Мэйлин придется потратить силы и время.

Говорят, дебошир заходил и к Ши дайфу, и к Сину цзынли, о чем-то пытался договориться, но его выпроводила охрана. Он орал что-то о том, что сам порезался о разбившиеся стекла, но это никого не волновало. Вряд ли он понял, что в клинике было немало людей, желавших удавить его на месте, потому что сколько бы Мэйлин ни обсуждали коллеги за её спиной, делая догадки о её личной жизни, большинство коллег сейчас ей сочувствовали. У Вэньхуа по несколько раз в день спрашивали, как дела у Юн дайфу.

Робкий поцелуй Мэйлин застал Вэньхуа врасплох, потому что в этот момент он отвлекся на свои мысли. Он улыбнулся и посмотрел на девушку, затем отпустил её руку, чтобы обнять за талию, и нежно поцеловал в губы. Всякий раз, когда Мэйлин проявляла инициативу, для неё это был подвиг. Она стеснялась и смущалась, и Вэньхуа не понимал, почему. Они были наедине, на всем этаже в коридоре могли находиться только постовые медсестры, которые не пойдут ломиться в палату.

- Надоело считать лягушек? - спросил Вэньхуа и снова улыбнулся.

Мэйлин Юн

Ручка выпала из слабых пальцев, но Мэйлин было уже не до нее. Она потянулась навстречу Дину Вэньхуа, уже немного смелее отвечая на поцелуй и чувствуя, как сердце заходится дробным и частым пульсом, а в животе поселяется приятное тепло, уютное и ласковое. И каждый раз, как будто в самый первый, начинает кружиться голова, так что становится страшно упасть. И хорошо, что он ее обнимает, иначе бы она точно не удержалась на месте.

- Они у меня все разбегаются, когда ты рядом, - застенчиво прошептала Мэйлин, не отводя взгляда от губ Вэньхуа. Красивый. Она поняла, что немного невежливо откровенно пялится, поэтому положила голову ему на плечо, ну как положила, скорее прижалась щекой к его плечу, потому что выше не могла дотянуться, не приподнимаясь на кровати, и провела кончиками пальцев здоровой руки по его ладони вверх. - Я потом их всех посчитаю, честно-честно.

Однажды наступает момент, когда осознаешь, что редких встреч в рабочее время, поцелуев украдкой и робких прикосновений начинает не хватать. Хочется почаще видиться и проводить вместе больше времени, когда не нужно бояться, что кто-то увидит, заметит, услышит, догадается, и то и задумываешься о том, а не все равно ли тебе, если даже и увидят, услышат и начнут говорить? Не такая уж и большая цена за возможность быть рядом с человеком, с которым тебе хорошо, Хочется с упоением говорить все ночи напролет, обо всем на свете, о науке, о медицине, о погоде, да о чем угодно, лишь бы просто быть с ним рядом.

Дин Вэньхуа

Было приятно, когда она так смотрела. Как будто от одного её взгляда становилось тепло. И Вэньхуа был бы рад весь вечер просидеть с Мэйлин, пока она не уснет. Ему не было дела до того, что будут говорить медсестры уже следующим утром о

том, почему он надолго задержался в палате Юн дайфу, да и вряд ли будут говорить много лишнего, эта смена была понимающей и без излишней фантазии.

- Послезавтра снимем швы, и через неделю досчитаешь как минимум до ста лягушек, - сказал Вэньхуа. Он провел рукой по волосам девушки, когда она уложила голову ему на плечо.

Звонок мобильного в худших традициях ночных дежурств заставил отвлечься от Мэйлин и похоронить надежды на спокойный вечер. Вэньхуа ответил на звонок.

- Я понял, сейчас буду. Свяжитесь с анестезиологической бригадой, чтобы были готовы, - сказал он. - Экстренный, - сказал Вэньхуа Мэйлин. - Ложись спать, - он поднял с одеяла чуть не скатившуюся снова на пол ручку и отдал её девушке.

Скорая должна была подъехать в течение пяти минут, и не было времени, чтобы еще хоть немного остаться здесь. Такая уж работа. Вэньхуа поцеловал Мэйлин в губы, и после этого вышел из её палаты.
